

Л. Тимофеев

Василий Кириллович Тредиаковский

(1703-1769)

В. К. Тредиаковский. Избранные произведения
"Библиотека поэта". Большая серия.
М.--Л., "Советский писатель", 1963
OCR Бычков М. Н.

1

И жизнь, и творческая деятельность, и посмертная литературная судьба В. К. Тредиаковского богаты странностями, злключениями, противоречиями. Необычно его детство. Сын астраханского священника, он получил образование в школе католических монахов капуцинского ордена (где обучение велось на латинском языке). Необычно прошли и его юность и годы учения. Он бежал из Астрахани в Москву, из Москвы, где стал учиться в Московской Славяно-греко-латинской академии, бежал снова, на этот раз в Голландию, а оттуда перебрался в Париж, "шедши пеш за крайнюю уже своею бедностию". {"Записки имп. Академии наук", т. 7, кн. 2. СПб., 1865, Приложение No 4, стр. 30.} В Париже Тредиаковский обучался в Сорбонне математическим, философским и богословским наукам, и вернулся на родину в 1730 году.

Но и после возвращения судьба его была и сложна и трудна. Первые годы на родине для Тредиаковского -- это годы славы и почета: он -- придворный поэт, профессор Академии наук ("сие ученое достоинство... первый он из россиян имел счастье получить" {"Краткое описание жизни и ученых трудов сочинителя сия трагедии". -- В. К. Тредиаковский. Деидамия. М., 1775, стр. 2--3.}). А уже в 50-е годы Тредиаковский так писал о своем состоянии: "Ненавидимый в лице, презираемый в словах, уничтожаемый в делах, осуждаемый в искусстве, прободаемый сатирическими рогами, изображаемый чудовищем, еще и во нравах (что сего бессовестнее?) оглашаемый... всеконечно уже изнемог я в силах к бодрствованию: чего ради и настала мне нужда уединиться..." {"Записки имп. Академии наук", т. 9, кн. 1. СПб., 1866, стр. 179.}

Выпущенная им в 1766 году "Тилемахида" -- итог огромного многолетнего труда, более шестнадцати тысяч строк гекзаметра -- была осмеяна сразу же после выхода: "При императрице Екатерине II в Эрмитаже установлено было шуточное наказание за легкую вину: выпить стакан холодной воды и прочесть из "Тилемахиды" страницу, а за важнейшую выучить из оной шесть строк". {Митрополит Евгений. Словарь светских писателей, т. 2. М., 1845, стр. 221.}

Судьба была к нему сурова и после смерти. И. Лажечников в романе "Ледяной дом" (1835) так писал о Тредиаковском: "О! По самодовольству, глубоко протоптавшему на лице слово *"педант!"* -- по этой бандероле, развевающейся на лбу каждого бездарного труженика учености, по бородавке на щеке вы угадали бы сейчас будущего профессора элоквенции Василия Кирилловича Тредьяковского. Он нес огромный фолиант под мышкой. И тут разгадать нетрудно, что он нес -- то, что составляло с ним: я и он, он и я Монтаня, свое имя, свою славу, шумящую над вами совиными крыльями, как скоро это имя произносишь, власяницу бездарности, вериги для терпения, орудие насмешки для всех возрастов, для глупца и умного. Одним словом, он нес "Телемахиду"".

Воспринял эту традицию и Белинский: "Тредьяковский, -- писал он, -- с его бесплодную ученостию, с его бездарным трудолюбием, с его схоластическим педантизмом, с его неудачными попытками усвоить русскому стихотворству правильные тонические размеры и древние гекзаметры, с его варварскими виршами и варварским двоекратным переложением Роллена... все, что было сделано Тредьяковский, оказалось неудачным, -- даже его попытки ввести в русское стихотворство правильные тонические метры..." {"Взгляд на русскую литературу 1846 года". Полн. собр. соч., т. 10, М., 1956, стр. 8.}

Однако звучали и другие голоса. Характерно предисловие (без подписи) к изданной после смерти Тредиаковского (в 1775 году) трагедии "Деидамия": "Сей муж многими своими в пользу соотчичей трудами приобрел бессмертную память и славу. Он первый издал правила российского нового стихосложения, коим следовали и ныне следуют все почти российские стихотворцы. Он сочинил много прозаических и стихотворных книг, а перевел и того больше, да и столь много, что кажется невозможным,